

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Факторы риска	9
Первые молитвы	31
Забота о духовном	62
Скептики	85
Чужой среди своих	109
Механик в докторсах	133
Простившие да исцелятся	154
Встань и иди	196
Малышка на грани смерти	228
Вырванная из ада	249
Когда все очень сложно	268
О ком я не забываю никогда	298

Эпилог	333
Послесловие.....	343
Об авторе	345
Примечания.....	346

ОТ АВТОРА

От всего сердца благодарю тех, кто вместе со мной создавал эту книгу. Это Джоэл Килпатрик — талантливый литератор, воплотивший мою мечту в жизнь; Кэррол Трэвер — выпускающий редактор *Tyndale House*, чьи советы и опыт помогали нам с самого начала; редактор Кара Петерсон — ее проницательность и мастерство оказались бесценны; и Грег Джонсон — мой агент, которому тоже досталась немалая роль.

А еще я искренне признателен всем, кто подавал ценные идеи или поддерживал меня во время работы над рукописью: Дональд Адема, доктор остеопатии; Су Ху Чой, доктор медицины; Дэвид и Анна Клифф; Роберто Куэва, доктор медицины, член американской коллегии хирургов; Диана де Пол; Дебби Формен; Джим Формен, лицензированный терапевт в сфере брака и семейных отношений; Клем Хоффман, доктор медицины; Сандра Лэнгли; Катерина Леви; Вера Леви; Дорин Хан Мар, доктор медицины; Меррил Нанигьян; Мэри Энн Нгуен-Куок; Уильям Рэмбо, доктор медицины; Скотт Рикеттс; Нгуен-Ти Робинсон, доктор медицины; Натали Родригес, доктор медицины; Марк Сломка; Джейми Уилсон; Джордан Зиглер, доктор медицины.

Все истории, приведенные в книге, произошли на самом деле. В целях конфиденциальности имена пациентов и некоторые подробности изменены; описание событий максимально приближено к тому, как они происходили в действительности.

ФАКТОРЫ РИСКА

С Марией мы встречались впервые.

Церебральная аневризма. Большая и хуже того, нетипичная. Мозговая артерия ослабла и распухла, будто удав, заглотивший курицу. Принимать меры нужно было, как говорится, вчера. Чем дольше мы ждали, тем выше был риск разрыва. А это почти верная смерть.

Мария была воплощением высшего управленца: классический черный костюм, туфли на каблуках и атташе-кейс. Кейс лежал рядом, на стуле — бумаги, папки, презентации... Мне почему-то казалось, что она забежала на перерыв и сейчас скажет:

9

«Доктор, а быстрее нельзя? У меня только десять минут! Клиенты ждать не будут!»

Нет, не сказала. И я видел: она беспокоилась. Диагноз оказался совершенно неожиданным, а церебральная аневризма... попробуй такое запланируй.

Ее ко мне направил невролог. Аневризму «поймал» он, причем совершенно неожиданно: не иначе фортуна в тот день решила улыбнуться Марии и, возможно, спасти ей жизнь. Часто смертельно опасные угрозы,

скрытые в глубинах мозга, совершенно никак себя не проявляют, покуда не грянет гром. Те же аневризмы с их печальной славой таятся до последней минуты, когда давление крови рвет слабые стенки артерий, а потом — чувство, будто рвануло в голове, дикая боль, потеря сознания, и если помощь не поспеет, — то все, финал. Порой, если сойдутся звезды, аневризма упирается в нерв или в мозговую структуру и вызывает некие подозрительные симптомы — и дай бог, если их странность насторожит кого-нибудь еще до трагедии. Мария о таком даже не подозревала. На магнитно-резонансную томографию (МРТ) она пришла по совершенно другой, пустяковой причине, и сканирование выявило в ее голове скрытую угрозу — словно камера, случайно выхватившая серийного убийцу из толпы.

Я должен был все исправить, пока эта угроза не нанесла вреда.

Вероятность того, что церебральная аневризма размером с горошину начнет кровоточить, довольно мала. Таких случаев за год — примерно два на каждую сотню. Иными словами, девяносто восемь человек из ста живут себе и радуются — и можно подумать, будто риск невелик. Но вот если рванет... Вероятность смерти — один к трем. Людей даже не успевают доставить в госпиталь — их убивает кровь, что хлещет прямо в голову и не находит выхода. У трети из тех, кому все же повезет попасть в больницу, проявляются тяжелые когнитивные нарушения — немота, паралич, утрата памяти... Иногда больные даже не узнают родных. О прежней жизни остается только мечтать.

Вот об этом мне и приходится рассказывать всем, у кого обнаружат такую угрозу, когда мы вместе решаем, делать операцию или нет. А еще я должен оценить риск разрыва аневризмы или иного дефекта, и если этот риск велик, то именно мне предстоит вернуть все в норму, — и прежде, чем случится непоправимое.

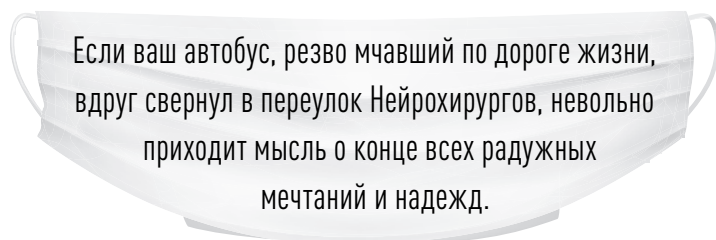
У Марии выбора не оставалось. Мешотчатая аневризма диаметром с вишню и кучей «дочек» — кто знал, как она себя поведет? Лечить, только лечить.

Мы сидели в моей смотровой. Типичная медицинская каморка: площадь три на три, умывальник, застекленный шкаф и окно с видом на парковку. На парковке — деревья. Уюта и близко нет. Самая обычная смотровая, как в любой другой больнице, разве что стену украшают фотопейзажи, но это уже я постарался. Вдоль другой стены — стулья для больных и их родственников; сейчас они пустовали. Рядом, под рукой — компьютерная стойка: в нее я вбиваю все данные и на ней же просматриваю снимки. Вот и теперь я развернул монитор к Марии, и на дисплее завертелась трехмерная реконструкция КТ-ангиограммы. Аневризма, пакостный пупырчатый шар, маячила над гладкой артерией, словно призрак над водостоком.

— Мы с ней справимся, — уверил я. — Давайте расскажу, как именно.

На белой настенной доске я условно нарисовал ее аневризму — и начал долгий рассказ о том, что будет после наркоза. Потом, не вставая с кресла, я без

резких движений развернулся и взглянул ей в глаза. Момент был очень важен. Мария умела держаться — сказывались годы выбранной профессии, — но ее выдавали и скованность, и руки, нервно прижатые к груди, и стиснутые пальцы, и застывший взгляд. Порой она невольно подергивала головой и отбивала пальцами какой-то странный ритм, и если пыталась скрыть тревогу, то это ей не особенно удавалось. Да и не стоило оно того: страх должен был выйти. Видимо, ее терзала мысль, не подошли ли к концу все радужные мечты и надежды. А что еще остается думать, если ваш автобус, резво мчавший по дороге жизни, вдруг с диким скрежетом тормозов свернул в переулок Нейрохирургов?

А если впереди тупик?

Я донес до нее непростую истину — и теперь мне предстоял ряд столь же непростых задач. Первая — успокоить ее насчет операции и заверить в успешном исходе, то есть в том, что вмешательство не причинит вреда. Вторая — честно рассказать о рисках. Риски могли быть разными — слепота, кома, паралич, смерть... Молчать я не имел права. Она должна

была знать, чего ожидать и к чему готовить родных. Мало ли. Чувствительность мозга невероятна. При вторжении, каким бы оно ни было, все всегда может пойти не так. И я был обязан преподнести все это спокойно, честно и без утайки — женщине, которая и слышать о таком не хотела.

Умение поставить верный диагноз — лишь часть работы врача. Он должен следить за тем, как себя ведет; за тем, как преподносит факты; за тем, какое впечатление производят его слова; за тем, как он держится и как относится к больным. Что прочтут люди в ваших глазах? Уверенность или страх? Смотрите ли вы им в глаза? Или поверх плеча? Или ваш взгляд бесцельно скользит по комнате? Что они подумают о прогнозе, который вы еще не озвучили? Что увидят в языке вашего тела, в движении рук, в почти неуловимой мимике, в манере общения — расслабленной или, напротив, напряженной; в вашей готовности видеть в них людей, а не медицинские случаи? Беседа с тем, кому предстоит операция — это танец. Вам нужно довести его до совершенства, вам нельзя чувствовать ни малейшей скованности, вам позволено делать лишь верные па, — и тогда и вам, и вашим пациентам будет хорошо. К счастью, мои спокойные манеры, как кажется, внушают людям покой. Но требуется огромный опыт, чтобы врачебный такт казался совершенно естественным, и именно к этому и нужно стремиться: даже если диагноз плох, вы можете передать больному чувство уверенности.

Я объяснил риски операции — и риски отказа от нее. Объяснил выгоды того и другого. Мария слушала

и иногда кивала. В ее взгляде я читал немую просьбу: скажите, что есть чудо-таблетка! Скажите, что все решится быстро и легко! Больные почти всегда верят, что врач всесилен, — или, по крайней мере, надеются на это. Мы, нейрохирурги — верховные жрецы современной медицины, и к нам взывают, словно к богам: вылечи! исцели! Да, именно так нас воспринимают люди. Мы, собственно, и не против. И я даже походил на жреца в своем белом халате и светло-синей медицинской форме, в этом устрашающем облачении, символе отделенности от людей — и, наверное, превосходства над ними. Но я решил оставить эту роль. Почему я так решил? Потому что я — мастер, я владею искусством медицины... но исцеляю людей вовсе не я. И не мне занимать место Бога в их сердце. При чем, как кажется, у многих оно уже занято.

Я снова проглядел снимки, прекрасно зная, что у нее только один путь.

— Мария, вам не обойтись без операции, — сказал я. — Видите аневризму? Вот она, круглая и словно на стебельке. Мы называем такие «ягодками». Только вот у «ягодок» гладкие стенки, а у вашей масса мешков, и чем их больше, тем выше риск разрыва.

Она затаила дыхание. А где хорошая новость? Ведь все будет хорошо, правда? Она ждала этих слов. Она была в самом расцвете жизни, она построила прекрасную карьеру... Но я не мог такого обещать. И уже в который раз меня поразила мысль: у людей, совершенно здоровых на первый взгляд, в голове, может быть, тикает бомба.

Я ощутил волну сострадания, и пришел покой. Я мог помочь ей, пусть даже это было нелегко. Я владел всеми навыками, я не избегал любимого дела, и у нас была цель — устранить источник опасности. Я хотел только одного: чтобы травма Марии навеки осталась в прошлом. В идеале ей не пришлось бы видеть больничных стен еще несколько месяцев — до времени контрольного сканирования. Союзы «хирург-пациент», в отличие от прочих, лучше заключать на время: мы встречаемся, решаем проблему и идем дальше разными дорогами.

— Это может подождать? — наконец спросила она.

По статистике, могло: аневризма росла довольно долго. Но те, кто давно работает в нашей сфере, на своем веку часто видели, как люди истекали кровью, еще не успев попасть на хирургический стол.

— Будь ваша аневризма идеально гладкой или чуть поменьше — тогда без проблем, — ответил я. — Подождали бы и месяц. Но ее форма и размер меня очень тревожат.

Мария едва заметно кивнула.

— Видимо, придется, — тихо сказала она. — Наверное, у меня еще будут вопросы, когда я все осмыслю. И семье нужно сказать.

Мы замолчали. Она думала, я не торопил. А когда прошла минута, я решил сделать то, что уже стало для меня привычным — и то, чего я никогда не видел

в практике других врачей: в мгновение ока я разрушил свой облик «кумира».

— Знаю, на такое непросто решиться. И вам есть о чем подумать, — сказал я. — Хотите, помолимся вместе?

Я спросил так, чтобы при желании она могла отказать. Ее родители были католиками — я прочел об этом в истории болезни, — но она не посещала церковь.

Мария чуть наклонила голову к плечу и взглянула на меня, будто на странный финансовый отчет, а потом слегка вздохнула и кивнула.

— Хорошо, — ответила она, слегка смутившись. — Давайте.

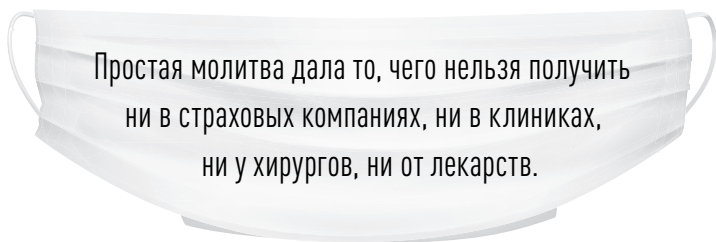
Не вставая с кресла, я подъехал поближе и подал ей руку. Она удивилась, но невольно схватилась за нее, словно утопающий — за брошенную веревку, и я склонил голову, чтобы не смущать ее взглядом.

— Господи, благодарю Тебя за Марию, — сказал я. — И за то, что позволил нам найти эту аневризму. Мы не знали о ней ничего — но Ты знаешь все, и именно Ты показал ее нам. Молю, пусть эта аневризма не причинит вреда, пока мы ее не излечим. Не оставляй Марию, дай ей почувствовать, что Ты рядом, подари ей мир и покой. Во имя Иисуса, аминь.

Я открыл глаза. Мария, склонив голову, тихо плакала. Слезы капали прямо на юбку, оставляя следы, но она не обращала на них внимания. Казалось, ее оку-

тала безмятежность. Она была спокойна и внимательна, будто в церкви. Нервные спазмы, рожденные страхом, исчезли. Она глубоко дышала, и с каждым вдохом тяжесть, окутавшая ее, уходила прочь. Эта внезапная перемена могла бы меня поразить, если бы я не видел ее прежде — много раз.

Прошло несколько минут, и Мария взглянула на меня. У нее потекла тушь; по щекам тянулись серые струйки. Она кивнула, будто соглашаясь со словами молитвы, и я подал ей платок из коробки на стойке.

— Благодарю вас, доктор Леви, — сказала она. Ее сияющий взгляд излучал спокойствие и надежду. — Никогда раньше не молилась вместе с врачом.

Я улыбнулся. Сколько раз я это слышал! Простая молитва дала ей то, чего не мог дать ни один разговор, ни один сеанс психоанализа, ни целая груда медицинских фактов. Того, что ей удалось обрести, она не получила бы ни в страховых компаниях, ни в клиниках, ни у хирургов, ни от лекарств. Молитва позволила ей почувствовать уверенность и покой — и даже, как мне показалось, прикосновение Бога.

Операция шла безупречно почти до самого конца.

А потом аневризма рванула, и кровь, ринувшись в мозг, стала заливать его с каждым ударом сердца.

Неужели мы ее не спасем?

Я велел помощникам готовить инструменты: нужно было закрыть разрыв. Все шло словно в замедленной съемке. В душе нарастали разочарование и злость. Больше всего хирурги ненавидят неожиданности, особенно те, что способны лишить семью любящей жены и матери.

По сонной артерии я завел инструменты прямо под кровящую аневризму. Предстояло остановить кровотечение из разорванной стенки, иначе рана грозила смертью. Пять минут дикого стресса — и я ввел контраст: посмотреть, что получилось.

Сердце рухнуло в пропасть. Контраст стекал с верушки купола. Аневризма по-прежнему кровила. Пять минут она истекала кровью. Прямо в мозг.

Выживет ли Мария? И если да, что с ней станет?

На ювелирную работу ушло еще несколько минут, пронизанных болью неизвестности. Наконец кровь перестало. Еще час потребовался на то, чтобы понять: Мария останется в живых, обширного инсульта не случилось, она могла двигаться и говорить. Когда Марию увезли в интенсивную терапию — и в следу-

ющие несколько дней, пока ее состояние неизменно улучшалось, — я благодарил Бога за отклик на нашу молитву. Верю, для Марии она изменила многое, — как и для меня.

В нейрохирургии случается и не такое.

Понятия не имею, волнует ли медсестер, врачей, хирургов — или даже нейрохирургов — духовная жизнь больных. Не знаю, молится ли кто-либо из врачей вместе с больными, как это делаю я. О таком не говорят ни на медицинских конференциях, ни с коллегами в лифте, ни в больничном кафетерии. В таких материях очень легко оскорбить больного или его веру, а за такое могут выгнать из медицинского сообщества, или, что еще хуже — преступником сочтут. Роль молитвы в медицине — тайна не менее великая, чем серое вещество.

Но мне кажется, и врачи, и больные признают, что в больничном уходе отсутствует некий очень важный элемент. И вот что странно. Доктора почти не говорят о духовности и не предпринимают в ее отношении никаких действий, но подавляющее большинство — три четверти из опрошенной тысячи, — тем не менее согласны, что религия и духовность играют важную роль, помогая больным исцелиться и обрести позитивный настрой¹.

Больные тоже высоко ценят религию и духовность — особенно на пике болезни. Вот данные одного такого